

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-101-110

К спорам о статье Владимира Соловьева
«Первое начало теоретической философии»:
Валерий Брюсов и Михаил Самыгин

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается полемика двух выдающихся представителей русского модернизма по статье Владимира Соловьева, опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии» (1897. № 40). В истории модернизма это едва ли не самая ранняя полемика о сущности «Я» как первоосновы в конституировании бытия. Эту проблему будут обсуждать особенно активно в журнале «Вопросы Жизни» (1905). В полемике 1898 г. между Валерием Брюсовым и Михаилом Самыгиным видны наиболее трудные вопросы самоопределения раннего модернизма.

Ключевые слова: модернизм, ренессанс личности, Серебряный век, журнал «Вопросы Жизни», журнал «Вопросы философии и психологии»

Для цитирования: Юрганов А.Л. К спорам о статье Владимира Соловьева «Первое начало теоретической философии»: Валерий Брюсов и Михаил Самыгин // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 101–110. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-101-110

To disputes about the article by Vladimir Solovyov
 “The first beginning of theoretical philosophy”.
 Valery Bryusov and Mikhail Samygin

Andrey L. Iurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
 Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the controversy between two outstanding representatives of Russian modernism on the article of Vladimir Solovyov, published in the journal “Questions of Philosophy and Psychology” (№ 40). In the history of modernism, this is perhaps the earliest polemic about the essence of the “I” as the first principle in the constitution of being. This issue will be discussed especially actively in the journal “Questions of Life” (1905). In the polemics of 1898 between Valery Bryusov and Mikhail Samygin, the most difficult questions of the self-determination of early modernism are seen.

Keywords: modernism, personality renaissance, the Silver Age, the journal “Questions of Life”, the journal “Questions of Philosophy and Psychology”

For citation: Iurganov AL. To disputes about the article by Vladimir Solovyov “The first beginning of theoretical philosophy”. Valery Bryusov and Mikhail Samygin. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):101-110. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-101-110

В начале 1898 г. эпицентром философских размышлений двух друзей, Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924) и Михаила Владимировича Самыгина (1874–1952), впоследствии писателя под псевдонимом «Марк Криницкий», стала полемика вокруг проблемы «Я», связанная с неординарной статьей Владимира Сергеевича Соловьева «Первое начало теоретической философии».

Валерий Брюсов сам предложил (23 января 1898 г.) эту статью для обсуждения:

В 40 книге «Вопросов философии и психологии» помещена статья Вл. Соловьева: «Первое начало теоретической философии». Не обсудите ли Вы, Михаил Владимирович, ее сообща со мной. Вот ее содержание:

1. Мерило достоверности для мысли присуще ей самой. Но может случиться, что она по самообольщению или из шарлатанства остановится, не дойдя до конца, и провозгласит: дальше идти некуда, я уперлась в стену, около которой мужики на небо зипуны вешают. Тогда другая мысль может и должна пощупать эту стену, не есть ли она со всем этим небом и зипунами только бумажная декорация.

2. В чистом сознании нет никакого различия между кажущимся и реальным, для него все одинаково действительно. То, что (*quid, was*) мне виделось во сне, могло не быть действительностью, но что (*quid, was*) оно мне виделось, есть факт безусловно достоверный; если даже воспоминание меня обманывает, все же факт воспоминания, хотя бы объективно ложный, *остаётся безусловно достоверным, как субъективное состояние* (курсив мой. – А. Ю.).

Может быть есть признаки различия кажущегося от подлинно существующего, но они не лежат в наличности сознаваемого факта.

3. Если самодостоверность наличного сознания, как внутреннего опыта, не ручается за достоверность сознаваемых предметов, как внешних реальностей, то нельзя ли от этого сознания заключать к реальности сознающего субъекта, как особого самостоятельного существа? (Это сделал Декарт – *Cogitoergosum.*) Ответ: невозможно, ибо от наличности мысли можно перейти лишь к чистому субъекту мышления, который мыслит, а не к эмпирическому субъекту, к живой индивидуальности. Чистый субъект мышления есть *феноменологический факт* (курсив мой. – А. Ю.) не менее, но и не более достоверный, чем все другие, т. е. он достоверен только в составе наличного содержания сознания. (Из того, что всевозможные психологические состояния соотносятся с одной и той же мыслью о я, никак не следует, чтобы это я было не мыслью, а чем-то другим.)

5. (Четвертый пункт в письме отсутствует. – А. Ю.) Как обманы чувств дают право сомневаться в достоверности ощущения, как свидетельства о реальности физического мира – так обманы самосознания (гипноз, раздвоение личности etc.) возбуждают сомнение в его (самосознания) показаниях о нашем психологическом субъекте. (Определение души, как потенции, уже предполагает тождество индивидуального субъекта и следовательно не может обосновывать это тождество.)

6. Итак, на вопрос, чье же это сознание существует как наличный факт, надо отвечать: неизвестно (ибо вопрос, существуют ли разные кто). Может быть мое, может быть иной личности, воображающей себя мною, может быть некоего трансцендентального субъекта, впавшего в иллюзию множественности «я», может быть – ничье [1 с. 390].

Статья Вл. Соловьева была опубликована за несколько лет до выхода в свет фундаментального труда Эдмунда Гуссерля «Логические исследования» (1900–1901 гг.) и содержала в себе глубокие идеи по феноменологии (еще не ставшей «движением»). Они перекликались с учением Гуссерля об интенциональности сознания и даже с последующими его идеями о философской редукции.

Обратимся к наиболее существенным высказываниям Владимира Соловьева о феноменологической достоверности любого сознания.

Как бы ни был глубок этот философский очерк, ему явно не хватало законченности и методичности, что, собственно, не скрывал и сам Соловьев. Русский философ честно признался, что проблема «Я» не решена ни им в статье, ни в современной ему философии, и эта открытость проблемного мышления не могла не волновать Брюсова, любившего обсуждать подобные вопросы. Вл. Соловьев же, будто заранее зная, что его нерешительность не будет поставлена ему в вину, предоставил читателям возможность включиться в общий разговор о сущности «Я».

Вл. Соловьев писал:

Что же такое есть Я? Исчерпывается ли оно этим своим являемым или феноменологическим бытием, относительно которого нет сомнений? Есть ли оно только одно из множества психических состояний, мысль, как и всякая другая, явление среди других явлений (мнение английской психологической школы)? Или Я есть нечто особое и единственное в своем роде, не одно из явлений, а общее формальное условие всех, априорный связующий акт мысли... Или, наконец, Я есть некоторая сверхфеноменальная сущность или субстанция, реальный центр психической жизни, имеющий собственное бытие независимо от данных своих состояний... Нескончаемый спор между этими тремя мнениями с достаточною очевидностью показывает, что ни одно из них не может быть признано бесспорным, – вот все, что я пока утверждаю [2 с. 128].

М.В. Самыгин ответил Брюсову 8 февраля 1898 г.:

Дорогой Валерий Яковлевич!

1. Бесспорно, что мысль имеет внутреннее ручательство своей достоверности; это – закон, открытый Декартом и таинственный по своей природе.

2. Предложенное Вами или Вл. Соловьевым понятие «чистого сознания» не соответствует действительности. Чистого сознания нет:

это ошибка Лейбница и Канта. Есть непреложный факт взаимного определения субъект-объекта. Этот факт существует в форме более или менее продолжительного процесса прояснения индивидуального сознания. Сон есть плохо проясненное размышление, т. е. медленный процесс взаимного определения субъект-объекта. Мое рассуждение Вам станет понятно, если Вы обратитесь к анализу понятия памяти (здесь и далее подчеркнуто автором. – А. Ю.): память есть условие, как легковерного «восприятия», так и длительного процесса обсуждения. Сон не менее достоверен, чем действительность, ибо в обоих случаях происходит работа самоопределения субъект-объекта, работа далеко не совершенная по своему метафизическому результату. Вся разница во времени, т. е. на языке моей метафизики, в степени. Присовокупляю к этому, что сон пользуется тем же материалом, что и бодрствующее сознание. С этой точки зрения не существует никакого различия между «кажущимся» и «подлинно существующим». Вся ошибка Вл. Соловьева произошла от пагубной привычки принимать логические отвлечения за реальности.

3. Все дальнейшее рассуждение, помещенное под пунктом 3, есть новая логическая ошибка. Утверждение самодостаточности наличного сознания, не ручающегося за достоверность (т. е. вне-бытие?) сознаваемых предметов, как внешних реальностей, равносильно признанию бытия «монады». Ваш или Вл. Соловьева «ответ» есть повторение известного заблуждения Канта.

5. Обманы самосознания есть действительно факты величайшей метафизической загадочности. Они так же непонятны, как и природа нормального индивидуального сознания. Вы или Вл. Соловьев также приходите к такому выводу в пункте 6, напрасно воскрешая для этого заблуждения нескольких мудрецов. Корень нашего бытия есть Тайна. Склонимся перед нею и будем питаться ее высокою красою. Из высшей Тайны мы можем еще объяснять наш мир слов, отвлеченных понятий и заблуждений, но словами условной правды земли не дерзнем живописать тайных глубин Неба! [3 л. 7–9].

Преткновение между ними – различное понимание границ собственного «Я». Для Самыгина Тайна, запредельная земной жизни, есть условие существования «Я». Не из человеческого, а из божественного источника исходят объяснения мира слов и понятий – потому-то и возможно мистическое (нерациональное) богопознание...

В.Я. Брюсов же, напротив, страшился потерять границы собственного «Я» в надличной природе, он также боялся раствориться в самосознании других «Я». Поэта устраивала радикальная

постановка вопроса о достоверности любого сознания, он соглашался с тем, что нет различия в любых фактах сознания, поскольку они суть самосознание. Его не устраивало только одно – если все акты сознания достоверны и относятся к самосознанию, то как быть с личностью, с ее уникальностью; не растворяется ли она в самосознании так, что, кроме самосознания, нет ничего больше? Ибо если все достоверно, то нет контуров, обрамляющих «личную монаду».

В письме от 9 февраля 1898 г. В.Я. Брюсов отвечал Самыгину, обращая внимание на их философские расхождения:

Друг мой!

Отвечаю Вам с точки зрения Вл. Соловьева.

1. Он, как и Вы, признает только непреложный факт взаимного определения субъект-объекта, и это вполне равносильно тому выражению, что в «чистом сознании (или просто в сознании) нет различия между фактами – все они равносильны, все они действительны, все они непреложны» (именно это выражает весь § 2). Но только они и непреложны, ничто более. Вы, как и Вл. Соловьев, утверждаете непреложность первой половины декартовской формулы – *cogito, ideo esse*. Это дано, но только это и дано. Отсюда нельзя вывести *ergo sum, donc suis*, я существую я, личный я, индивидуальное я.

2. Пусть перед Вл. Соловьевым вечно носится проблема различения реального от кажущегося. Забудем это. Но вот вопрос, – сознает ли человек себя отдельной личностью, индивидуальностью? Я мыслю, – так; моя жизнь есть непрерывное самоопределение субъекта-объекта – так; но этот субъект, можно ли о нем сказать <—> это я, именно я, и не кто другой. Различия между «кажущимся» и подлинно существующим» нет, пусть. Но, отбросив все эти факты и те, что кажутся кажущимися и те, что кажутся подлинно существующими, найдем ли мы некое я, хоть как потенцию. Ведь пантеизм мыслим! возможен для разума! – как же мне спасти (это уж я говорю, а не Вл. С.) мою личность, ибо я хочу знать, что эта личность едина, обособлена, что я монада. Мне это необходимо.

3. «Корень нашего бытия есть тайна». Может быть. Если нельзя ее «живописать словами», я хочу ее чувствовать, – а слова могут мне указать путь к этому. Чувствую ли я себя как монаду, как единое я. Да, чувствую, знаю и верю. Могу ли я указать другим, как прийти к этому чувствованию? К чувствованию, что я не может стать не этим, иным я, не может раствориться в боге, что я ведь был и всегда буду? – Нет, я не могу указать другим путь к такому чувствованию. Убежден ли я однако, что каждый его (это чувство) ведает? Нет, не убежден <...>

4. В заключение несколько слов о сне. Вряд ли сон есть «плохо проясненное сознание», как Вы говорите. Дю Прель («Философия мистики») для меня ясно показал, что во сне существуют способности высшие, чем те, которыми обладает бодрствующее сознание... [1 с. 391–392].

26 февраля 1898 г. М.В. Самыгин ответил:

Дорогой философ!

Вас интересует, в чем больше правды, в «пантеизме» или в «микрокосмизме»? Сами Вы, по-видимому, склоняетесь к последнему. Основным вопросом в этом давнишнем споре является природа временного существования. Я не думаю, чтобы по этому пути можно было бы прийти к чему-нибудь прочному! Что есть время? Все определяется по закону противоречия, как справедливо говорил Гегель, определить же временное бытие можно только по контрасту с вечным началом. Но кто из нас похвастается, что он осязает это последнее. Попытка Грота в этом направлении в свое время казалась мне плачевною. Надо перечитать! Имейте в виду, что дальше «сogito» нельзя переступить ни вправо, ни влево. Потом следует заняться внимательнее понятием субстанции (здесь и далее подчеркнуто автором. – А. Ю.). Бьюсь об заклад, что мы в глубине души не представляем ее себе только чистым бытием. Вспомните «бесчисленные атрибуты» Спинозовской субстанции. <...> Тайна! Вечная, Прекрасная Тайна! Монада или пустой образ! Не все ли равно, когда есть Он? И мы принадлежим Ему? Каков закон нашего с Ним воссоединения? Да не все ли равно. Ни Лейбниц, ни Спиноза не умолчали об этом воссоединении! Оно было и для них! Он есть! А есть ли мы? Что за вопрос! Мы созерцаем Его, значит мы Его созерцаем! Что такое бытие, вечность, бессмертие души? Для того, кто коснулся лишь раз хотя бы края Его рук, все это праздные вопросы. Вопрос о бессмертии порождает страх смерти, а его нету у созерцателей Бога!.. [3 л. 10–11 об.].

Из письма Самыгина от 10 марта 1898 г.:

Дорогой друг!

Основные положения философской мистики Дю-Преля скорее склоняются в пользу пантеизма, *чем монадологию* (так в рукописи. – А. Ю.)! Как объяснить Ваше лейбницианство, которым одновременно проникнуты Ваши письма? С одной стороны, Вы радуетесь возможности «умчавшись в безбрежность, увидеть за собою себя», с другой – печалуетесь о невозможности личного бессмертия и т. п. Охота Вам,

мой друг, играть в пустые отвлеченности? Что есть бытие? Что есть все? Что есть «я»? Все эти вопросы важны для того, кто сказал себе, что они есть и на них нужно ответить. Я, со своей стороны, нахожу, что наши философы обращаются с Вечной Тайной уж слишком запросто! Скажет: «бытие», «модификация», «самоопределение» и думает человек, что эти жалкие комплексы звуков что-то собою покрывают! Не думайте, однако, что душа моя потускла и ум притупился, что я с такою не похвалою отзываюсь о философии, всегда мною столь нежно любимой. Душа моя в божественном напряжении, я живу всеми закоулками моего духа и потому<->то нахожу, что нельзя так упрощать Вечной Тайны в угоду книжному искусству. Впрочем, я думаю, что упреки мои мало касаются Вас, Вы выражались философским языком, а не мыслили им. А в мыслях своих Вы всегда были чужды схоластики. Я усиленно занимаюсь литературой, со страхом перечитывая плоды своей лихорадочной работы. О, если бы повесть, роман или драма оказались моим призванием! [3 л. 12–13 об.].

Если Самыгин склонялся к мистическому пантеизму, то Брюсов тяготел к микрокосмизму: для одного непознаваемая Великая Тайна есть первоисточник всего сущего, в том числе и мышления (потому и необходимо умаление души); для другого – Личность как монада есть в своей потенции целая вселенная, мыслящая сама в себе, и одновременно часть бесконечного космоса.

Из недатированного письма М.В. Самыгина (весна 1898 г.):

Хотелось быть на Пасхе в Москве у Вас и с этой целью откладывал свое письмо. Но каникулы мои превратились в тяжкую болезнь (тульская малярия). Только теперь я немного оправился. В последнем письме Вашем Вы оправдываете свои занятия философией следующими, совершенно неубедительными для меня словами: «Да, есть высшие области, есть созерцание (не в кантовском смысле), есть интуиция, в смысле постижения на миг Тайны; но вернувшись на землю (здесь и далее подчеркнуто автором. – А. Ю.), – разум не имеет лучшей цели, как постичь сам себя». Почему? И разве есть выбор между целями на земле? На земле все цели для разума одинаково неизменны! Нет здесь для разума худших и лучших целей. В царстве бессилия нет силы! Ну, положим, мое рассуждение спорно; но вот что бесспорно: разум не может постичь сам себя, потому что постичь, т. е. классифицировать хотя бы все наличные <...> познания – это значит не выходить из сферы сознания, а для того, чтобы постичь, нужно выйти за границу этой сферы. Моя философия сводится теперь к такому афоризму: *мы не знаем не только Бога, но и самих себя; возможно, что это одна и та же*

вещь (курсив мой. – А. Ю.). Вот где основы пантеизма, осторожнейшей и глубочайшей из философских систем! [3 л. 14–15].

В письме от 3 сентября 1898 г. Брюсов вновь возвращается к спорам, и вновь в центре его внимания философия «Я»:

Друг мой! Есть одно, чего я не понимаю в раздумьях других: возможность искать предела. «Я» – бесконечно и самобытно и всевластно. Разве есть истина более истинная, более очевидная? Бездонную глубину духа я чувствую. Моя душа, моя жизнь в этой бесконечности – лишь мгновение, лишь то, что на своем земном языке мы называем частью. Предела нет. Не ограничены мы нашей жизнью. Как – то краткое время, в которое мы не успеваем продумать всего мелькнувшего в мыслях, не успеваем до дна упиться всеми чувствованиями! Это время чтоб оно было всем! Нет предела! Не ограничены мы нашей призрачной смертью. Есть бытие для моего «Я» и за ее черной, но геометрически тонкой, чертой. Буду жив я, а не иной кто мною. Мои замыслы я понесу дальше, мои чувства раскроют крылья во всю широту и ринутся в свободное пространство. Ничто не умирает, ибо входит как доля развития в бессмертный дух. Будем творить и мыслить, зная, что все замыслы воплотятся и всем стремлениям дано будет удовлетворение. И это все не мудрствование на бумаге, не поучение для книги – это сознание, что так я чувствую, моя вера. Подумайте об этом и скажите, можно ли плакать, или сомневаться, или идти назад? [1 с. 395–396].

Согласно Лейбницу, не существует ни полного рождения, ни совершенной смерти: души то расширяются, то сужаются, они были и до рождения, они остаются бессмертными и после физической смерти тела. Судьба человеческого духа такова, что, получив разум и нравственную силу, он не может потерять их и навеки становится соучастником духовного царства.

Валерий Брюсов надолго остался микрокосмистом, Михаил Самыгин после этого спора увлекся пересмотром своих и чужих стереотипов, касавшихся теории литературы. Каждый шел своей дорогой, но вместе они постулировали в сущности одно и то же – феноменологическое значение Личности как конституирующей основы бытия.

Литература

1. Литературное наследство. Том 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1 / АН СССР. ИМЛИ им. А.М. Горького; Отв. ред. Н.А. Трифонова. М.: Наука, 1991. 831 с.
2. *Соловьев В.С.* Собрание сочинений. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1913. Т. 9. 2-е изд. 444 с.
3. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 386. Картон. 102.7.

References

1. Literary inheritance. Volume 98. Valery Brusov and his correspondents. Book 1. Academy of Sciences of the USSR A.M. Gorky IWL / Ed. by NA. Trifonova. Moscow: Nauka Publ.; 1991. 831 p. (In Russ.)
2. Solov'ev VS. Collected works. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo "Prosveshchenie" Publ.; 1913. Vol. 9. 2nd ed. 444 p. (In Russ.)
3. Research Department of manuscripts of the Russian state library. 386. Cardboard. 102.7. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrey L. Iurganov, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Iurganov@yandex.ru